

ХИМИЧЕСКИЙ ДИЗАЙН

МЕТАХИМИЯ ДИЗАЙНА
СЕМИОТИКИ РЕФЛЕКСИИ
ПАРАДИГМЫ «ЗОЛОТОГО СЕЧЕНИЯ»

«сравнительных символических форм религии» I. НЕБО И БОГИ НЕБА
(ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК)

Chem.Lab.NCD

Новосибирск, 2015

Метахимия дизайна сравнительных символических форм религии в парадигме «золотого сечения». I. НЕБО И БОГИ НЕБА

Кутолин С.А.

профессор, доктор химических наук,

академик МАН ЦНЗ и РАТ.

Новосибирск, Россия

РЕФЕРАТ: Религия есть продукт мыслительной деятельности объяснения Мира, т.е. устойчивая рефлексия «жизненного цикла поколений». Рефлексия, является самопроизвольным производителем мысли. Поэтому рефлексия можно назвать «машиной производства» «антиэн-тропии»(-S)! А человечество и формы его мыслительности, как «Ноо-сферу» по пути развития форм творчества, - самопроизвольным “гене-ратором” антиэнтропии, функционирующим как “парадигма золотого сечения”, где числа Фибоначчи и Люка играют роль ограничителей “жизненного цикла”, проявляющими себя по тем, или иным механизмам действия в геосфере, биосфере и ноосфере планеты Земля. Тем самым вскрывается смысл парадигмы золотого сечения как своего рода “гомео-стазиса” планеты Земля в рамках первого и второго законов термо-динамики.

Метахимия как иерархия аналогии, или прямое подобие,

т.е. символический синергизм

Современные науки быстро меняют свой облик! К науке о религиях это относится в той же мере, что и к науке о числах, символах, т.е. семиотике. Казалось, что все можно объяснить через сведение религиозных феноменов к некоему общему элементу, от самых примитивных до наиболее развитых осуществлением **мана** — рассредоточенной мистической силы, не имеющей собственного описания, но готовой принимать любую форму, неопределимую, но характеризующуюся самой этой неопределимостью, в силу которой она ускользает от логического рассмотрения. Она присутствует повсюду, где могла идти речь о религии, и принимает более определенные понятия, такие как *сакер* и *нумен*, *агиос*, *брахман*, *дао*, *даже «благодать» христианства*, и воспринимается лишь как ее вариации или производные. Но, тем не менее, — нынешние изыскания вернулись к идее, **что религия есть система**, не сводимая к множеству составляющих ее элементов, **что религия есть продукт мыслительной деятельности объяснения Мира, т.е. устойчивая рефлексия «жизненного цикла поколений»**. Кратко, можно сказать, что

современное исследование религии развивается под знаком **Логоса**, а не под знаком **мана**. И в этом смысле мыследеятельность имеет окраску метафизического толкования явлений и событий как эзотерического символизма, где небо (Н), солнце (С), луна (Л), вода (В), Земля (З), камни (К), растительность (Р) и плодородие (П), пространство (Пр), время (Вр) есть категории осознания Мира, как Мифа (Мф), посредством говорения, т.е. языка символов и чисел, иначе, - семиотики осознания Я. Тем самым метафизическая рефлексия, метафизическая мыследеятельность явились способом закрепления в сознании человечества, - МИРА как целого, а формы деятельности Человека, как человека Труда в Природе, явились основанием для появления научного естествознания как сочетания метода проб и ошибок, как выявления законов природы, где фантазия – отклонение от законов природы, но необходимая данность в приближении к Истине путём свершения, открытий, изобретений, усовершенствований. Вот почему исследования мира религии продолжают именно в этих направлениях.^{35, 36, 37, 38} Не поэтому ли рефлексия человечества пронизана и по сей день мыслью Р.Декарта: «...не искать никакой науки, кроме той, которую можно найти в себе самом или в громадной книге света», где **«Познание есть Дух»**, а его стяжание - духовная культура, в символической форме которой открывается сама сущность человеческого сознания и его способность диалектически развиваться через синтез противоположностей, т.е. антиномии. В этом смысле «Метахимия Природы», как философия рефлексии семиотики «диалектов», которой следует автор, раскрывает смысл «инвариантных структур» в «парадигме золотого сечения», т.е. смысловых связей как законов, имеющих место в природе естествознания, философии, творчестве «жизненных циклов» человечества, - инвариантов, остающихся неизменными в ходе исторического развития Ноосферы.³⁹ Вот почему философия символических форм может служить канвой, на которой выявляются инвариантные структуры «парадигмы золотого сечения»⁴⁰. С

---

³⁵ .ЛОГОС, N29-32, 1978. Bruxelles-Moscou, p.251.

³⁶ .Йозеф Рацингер. Введение в христианство. 1988, Брюссель, 318с.

³⁷ Mircea Eliade ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ Patterns in comparative religion, 1958.

³⁸ С.А.Кутолин. Мир как Труд и рефлексия. Новосибирска, Chem. Lab. NCD: 2001.269с.

³⁹ .С.А.Кутолин. Метахимия Природы (философия рефлексии семиотики «диалектов»). Новосибирск: Chem.Lab.NCD.2015.

⁴⁰ Кассирер Эрнст. Философия символических форм. Том 1-3. М.; СПб.: Университетская книга, 2002.

этой целью можно выявить антиномию в системе «миф-история», на примере, скажем, «НЕБО И БОГИ НЕБА», в «парадигме золотого сечения», поскольку между мифом и историей нигде не удастся провести ясное логическое разделение.

Использование метода "ChemLehr" в описании феноменологии метакимии парадигмы «золотого сечения» в «сравнительных символических формах религии» I. НЕБО И БОГИ НЕБА

Методология экспертной оценки может быть подтверждена или отвергнута путем компьютерного анализа некоторого экспертного множества данных, а плодотворность использования такой модели, известной как модель "ChemLehr", неоднократно обсуждалась, в том числе и на страницах журнала (см. Сб. "Химический дизайн. Физико-химические модели и пропедевтика естествознания". 1998. - с.77-88; 2001, с.58-69), реферируемого Chemical Abstr.Serv. в транскрипции "Kimicheskii Dizain", а работы и монографии, на которые ссылается здесь автор могут быть беспрепятственно получены в электронном варианте с сайта библиотеки: <http://www.techlibrary.ru/books.htm>.

Для феноменологического анализа поставленной задачи воспользуемся следующей сакральной системой, представляемой как НЕБО и БОГИ НЕБА:

НЕБО И БОГИ НЕБА

11. Сакральная природа Неба.
  12. Австралийские боги Неба
  13. Боги Неба у жителей Андаманских островов, африканцев и др.
  14. «Deus otiosus» («Бог праздный»).
  15. Новые «божественные формы», заменяющие богов Неба.
  16. Слияние и субституция.
  17. Древность веры в Верховное небесное
  18. Боги Неба у народов Севера и Центральной Азии
  19. Месопотамия.
  20. Дьяус, Варуна.
  21. Варуна и верховная власть.
  22. Иранские боги Неба.
  23. Уран.
  24. Зевс.
  25. Юпитер, Один другие, Таранис и.
  26. Боги грозы.
  27. Оплодотворители.
-

28. Супруг Великой Матери.

29. Яхве.

30. Замена небесных богов на богов плодородия.

Будем полагать, что указанная система символического описания Богов Неба связана с указанным рядом натуральных чисел, аргументами описания которых являются числа Фибоначчи и Люка в такой феноменологической зависимости, которая нам неизвестна, но если она существует, то может быть выявлена при использовании указанной модели "ChemLehr" с достаточно высокими коэффициентами корреляции (ккм) в такой модели. База данных такой модели, очевидно, будет иметь вид regres.dat:

N	БН Y_i	Боги НЕБА	Fibi	Luka	X_i
1	2	3	4	5	Аргументы
2	11	Сакральная природа Неба	3	1	
3	12	Австралийские боги Неба	5	3	
4	13	Боги Неба у жителей Андаманских островов, африканцев и др.	8	4	
5	14	«Deus otiosus» («Бог праздный»)	13	7	
6	15	Новые «божественные формы», заменяющие богов Неба.	21	11	
7	16	Слияние и субституция	34	18	
8	17	Древность веры в Верховное небесное	55	29	
9	18	Боги Неба у народов Севера и Центральной Азии	89	47	
10	19	Месопотамия.	144	76	

11	20	Дьяус, Варуна	233	123	
12	21	Варуна и верховная власть	377	199	
13	22	Иранские боги Неба.	610	322	
14	23	Уран.	987	521	
15	24	Зевс	1597	843	
16	25	Юпитер, Один другие, Таранис	2584	1364	
17	26	Боги грозы	4181	2207	
18	27	Оплодотвори- тели	6765	3571	
19	28	Супруг Великой Матери	10946	5778	
20	29	Яхве	17711	9349	
21	30	Замена небесных богов на богов плодородия	28657	15127	

Если, как было показано в предыдущих исследованиях, метакимия парадигмы «золотого сечения» описывает важные явления в литосфере, биосфере и ноосфере, то включает ли «жизненный цикл» Богов Неба парадигму «золотого сечения», а если включает, то какие аргументы X_i чисел Фибоначчи и Люка и как влияют на результирующую функцию Y_i , каков коэффициент корреляции (ккм) такой модели, какие аргументы из этих моделей являются и в какой степени значимыми при включении или исключении их из модели исследуемого явления.

Расчёт по программе "Chem.Lehr" содержит величины: no , pr , ny , lo , $vread$, $vrprint$, $znach$, $psigma$, которые означают: число исследуемых объектов, аргументов X_i , искомый признак (Y_i), ищется в форме линейной или квадратичной зависимости, укороченный (расширенный) вариант печати, коэффициент значимости, коэффициент удаления реализации. $x(no, pr)$ - ИСХОДНАЯ МАТРИЦА, по сути дела определяется базой данных REGRES.DAT, где $Fibi$, $Luka$ – числовые ряды Фибоначчи, Люка-аргументы X_i , а отношение каждого последующего члена к предыдущему в числовых рядах Фибоначчи, Люка называется «золотым сечением». Как показывают исследования этого цикла работ в метакимии, - «парадигма золотого сечения» есть единственный, естественный непротиворечивый вариант связывающий формы взаимодействия «геосферы», «биосферы», «ноосферы», как способ их «генотипического единения». И в этом смысле в «Первоначалах философии» сформулирован главный тезис Декарта:

« Бог сотворил мир и законы природы, а далее Вселенная действует как самостоятельный механизм » -, своего рода генотипическое единение панорамы событий религиозной истории в парадигме «золотого сечения».

Таким образом, искомый вид функции по модели "ChemLehr" имеет вид:

$$Y_{расч} = \sum_{i=1}^n a_i \times x_i + B,$$

Поскольку Y_i , X_i заданы условиями, то вышеозначенный вектор позволяет определить величины a_i и B .

$\pm F(l, n) = Y_{табл} - Y_{расч} \approx Y_{сред}$, где $F(l, n)$ - функция распределения, которая

$$F(l, n) = \frac{l \times e^{-l}}{n!}$$

в случае малости величины свидетельствует о том, что табличные и расчетные значения Y близки между собой, а если функция распределения достаточно велика и расчётные значения Y отличаются от табличных, то имеет место своего рода «стратификация», т.е. имеет место влияние условий исторических событий на «жизненный цикл» символической религиозной формы в рамках рассматриваемой системы: НЕБО И БОГИ НЕБА. Смысл величин, входящих в функцию распределения есть область «стратификации» l и число «общин» n , исповедующих данную форму религиозной символики. При этом, естественно, имеет место условие: $Y_{расч} = Y_{сред}$ $F(l, n)$ и при достаточно большом значении n величина $F(l, n)$ весьма мала. Обратимся к результатам расчёта $Y_{расч} = f(Fibi, Luka)$, или иначе $Y_i = f(X_3, X_4)$:

<"ChemLehr

РАСЧЕТ ПО ПРОГРАММЕ " >"ChemLehr

```

ЧИСЛО РЕАЛИЗАЦИЙ          20
ЧИСЛО ПАРАМЕТРОВ          5
РЕЗУЛЬТИРУЮЩИЙ ПАРАМЕТР  Yi 2
ВАРИАНТ ПЕЧАТИ            2
КОЭФФИЦИЕНТ ЗНАЧИМОСТИ    1.00
КОЭФФИЦИЕНТ УДАЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИЙ  1.0
LX(J)
  0 0 0 1 1
NOB(I)
  1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1

```

```

СР.ЗНАЧЕНИЕ Y              20.5000000
ДИСПЕРСИЯ Y                20.8750000
СР.ОТКЛОНЕНИЕ Y            4.5689170

```

СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ X

1 20.50000 2 20.72727 3 1658.54500 4 2837.00000
5 1497.54500

КОЛИЧЕСТВО ПАРАМЕТРОВ,ВКЛЮЧЕННЫХ В МОДЕЛЬ 2

ПАРАМЕТР 4 СТЕПЕНЬ 1 КОЭФФИЦИЕНТ -.01725
ПАРАМЕТР 5 СТЕПЕНЬ 1 КОЭФФИЦИЕНТ .03393

СВОБОДНЫЙ ЧЛЕН УРАВНЕНИЯ (B) 18.6328000

СРЕДНЯЯ ОСТАТОЧНАЯ ДИСПЕРСИЯ 5.3265190

СРЕДНИЙ МОДУЛЬ ОШИБКИ 2.0365720

НЕСМЕЩЕННАЯ ОЦЕНКА ОСТАТОЧНОЙ ДИСПЕРСИИ
7.323973

СРЕДНЯЯ ОСТАТОЧНАЯ ДИСПЕРСИЯ НА КОНТРОЛЬНОЙ
ВЫБОРКЕ .0000000

КОЭФФИЦИЕНТ КОРРЕЛЯЦИИ МОДЕЛИ (ккм=84,8%) .8481281

ВКЛАД ВКЛЮЧЕННЫХ ПАРАМЕТРОВ,РАССЧИТАННЫЙ
МЕТОДОМ ИСКЛЮЧЕНИЯ

4 (Fibi) 48.1% 5(Luka) 51.9%

ВКЛАД ВКЛЮЧЕННЫХ ПАРАМЕТРОВ,РАССЧИТАННЫЙ
МЕТОДОМ ВКЛЮЧЕНИЯ

4 (Fibi) 48.1% 5(Luka) 51.9%

Коэффициент корреляции построенной модели: ккм=84,8% свидетельствует о функциональной зависимости между символическими формами религии в системе: I. НЕБО И БОГИ НЕБА и величинами чисел Фибоначчи и Люка, причём вклад включённых, исключённых параметров методом исключения, включения приблизительно одинаков, поразительным является и факт, что свободный член найденной зависимости B=18.6, что совпадает практически со значением числа Фибоначчи(18)в числовом ряду цифр Фибоначчи!

Если в рассматриваемой модели ограничиться символическими формами религии в системе: I. НЕБО И БОГИ НЕБА (БН), скажем, с $Y_i=11-21$, то коэффициент корреляции модели несколько повышается ккм=94,8%, а вклад включённых-исключённых параметров чисел Фибоначчи и Люка остаётся практически прежним – около50%:

РАСЧЕТ ПО ПРОГРАММЕ <"ChemLehr >>

ЧИСЛО РЕАЛИЗАЦИЙ 11

ЧИСЛО ПАРАМЕТРОВ 5

РЕЗУЛЬТИРУЮЩИЙ ПАРАМЕТР Y_i 2

ВАРИАНТ ПЕЧАТИ 2

КОЭФФИЦИЕНТ ЗНАЧИМОСТИ 1.00

КОЭФФИЦИЕНТ УДАЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИЙ 1.0

LX(J)

0 0 0 1 1

НОВ(I)

1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1
 LP(J)
 1 0 0 0 0
 УТОЧНЕННАЯ МОДЕЛЬ
 СР.ЗНАЧЕНИЕ Y 16.0000000
 ДИСПЕРСИЯ Y 7.5000000
 СР.ОТКЛОНЕНИЕ Y 2.7386130
 КОЛИЧЕСТВО ПАРАМЕТРОВ,ВКЛЮЧЕННЫХ В МОДЕЛЬ Y_i 2
 ПАРАМЕТР 4(Fibi) СТЕПЕНЬ 1 КОЭФФИЦИЕНТ -1.62705
 ПАРАМЕТР 5(Luka) СТЕПЕНЬ 1 КОЭФФИЦИЕНТ 3.13133
 СВОБОДНЫЙ ЧЛЕН УРАВНЕНИЯ (B) 14.4702700
 СРЕДНЯЯ ОСТАТОЧНАЯ ДИСПЕРСИЯ .6125942
 СРЕДНИЙ МОДУЛЬ ОШИБКИ .6954317
 НЕСМЕЩЕННАЯ ОЦЕНКА ОСТАТОЧНОЙ ДИСПЕРСИИ
 1.531493
 СРЕДНЯЯ ОСТАТОЧНАЯ ДИСПЕРСИЯ НА КОНТРОЛЬНОЙ
 ВЫБОРКЕ .0000000
 КОЭФФИЦИЕНТ КОРРЕЛЯЦИИ МОДЕЛИ (ккм=94,7%) .9475763
 ВКЛАД ВКЛЮЧЕННЫХ ПАРАМЕТРОВ, РАССЧИТАННЫЙ
 МЕТОДОМ ИСКЛЮЧЕНИЯ
 4(Fibi) 49.2% 5 (Luka) 50.8%
 ВКЛАД ВКЛЮЧЕННЫХ ПАРАМЕТРОВ, РАССЧИТАННЫЙ
 МЕТОДОМ ВКЛЮЧЕНИЯ
 4 (Fibi) 49.2% 5(Luka) 50.8%

*Феноменология «парадигмы золотого сечения» как результат
 моделирования «сравнительных символических форм религии» I.
 НЕБО И БОГИ НЕБА*

В полученных результатах усматривается высокая достоверность в предствалении парадигмы «золотого сечения» в описании «сравнительных символических форм религии» в системе: НЕБО И БОГИ НЕБА. Тем самым, можно с уверенностью утверждать, что принципы сравнительной философии, завоёвывающие в последнее время твердые позициив в истории философской компаративистики, например в научных дисциплинах индийского вектора, современной зарубежной, да и российской сравнительной философии приобретают всё большее распространение.⁴¹ При этом позиции 18,19,20,22 в рассматриваемом перечне вектора БОГОВ Неба: Боги Неба у народов Севера и Центральной Азии, Месопотамия,

---

⁴¹ .Сб. Сравнительная философия .М.:»Восточная литература»РАН, 2000. 344с.

Дьяус, Варуна, Иранские боги Неба являют собой иерархию аналогии, или символический синергизм религиозных форм, в описании которых имеет место парадигма золотого сечения, как функции чисел Фибоначчи и Люка с немалым коэффициентом корреляции модели (ккм=84,8% по уточненной модели):

УТОЧНЕННАЯ МОДЕЛЬ

СР.ЗНАЧЕНИЕ Y 20.5000000
 ДИСПЕРСИЯ Y 20.8750000
 СР.ОТКЛОНЕНИЕ Y 4.5689170
 КОЛИЧЕСТВО ПАРАМЕТРОВ,ВКЛЮЧЕННЫХ В МОДЕЛЬ (Y_i) 2
 ПАРАМЕТР 4(Fibi) СТЕПЕНЬ 1 КОЭФФИЦИЕНТ -.01725
 ПАРАМЕТР 5(Luka) СТЕПЕНЬ 1 КОЭФФИЦИЕНТ .03393
 СВОБОДНЫЙ ЧЛЕН УРАВНЕНИЯ 18.6328000
 СРЕДНЯЯ ОСТАТОЧНАЯ ДИСПЕРСИЯ 5.3265190
 СРЕДНИЙ МОДУЛЬ ОШИБКИ 2.0365720
 НЕСМЕЩЕННАЯ ОЦЕНКА ОСТАТОЧНОЙ ДИСПЕРСИИ
 7.323973
 СРЕДНЯЯ ОСТАТОЧНАЯ ДИСПЕРСИЯ НА КОНТРОЛЬНОЙ
 ВЫБОРКЕ .0000000
 КОЭФФИЦИЕНТ КОРРЕЛЯЦИИ МОДЕЛИ (ккм=84,8%) .8481281
 ВКЛАД ВКЛЮЧЕННЫХ ПАРАМЕТРОВ,РАССЧИТАННЫЙ
 МЕТОДОМ ИСКЛЮЧЕНИЯ

4 УТОЧНЕННАЯ МОДЕЛЬ

КОЛИЧЕСТВО ПАРАМЕТРОВ,ВКЛЮЧЕННЫХ В МОДЕЛЬ (Y_i) 2
 ПАРАМЕТР 4(Fibi) СТЕПЕНЬ 1 КОЭФФИЦИЕНТ -.01725
 ПАРАМЕТР 5(Luka) СТЕПЕНЬ 1 КОЭФФИЦИЕНТ .03393
 СВОБОДНЫЙ ЧЛЕН УРАВНЕНИЯ (B) 18.6328000
 СРЕДНЯЯ ОСТАТОЧНАЯ ДИСПЕРСИЯ 5.3265190
 СРЕДНИЙ МОДУЛЬ ОШИБКИ 2.0365720
 СРЕДНЯЯ ОСТАТОЧНАЯ ДИСПЕРСИЯ НА КОНТРОЛЬНОЙ
 ВЫБОРКЕ .0000000
 КОЭФФИЦИЕНТ КОРРЕЛЯЦИИ МОДЕЛИ (ккм=84,8%) .8481281
 ВКЛАД ВКЛЮЧЕННЫХ ПАРАМЕТРОВ,РАССЧИТАННЫЙ
 МЕТОДОМ ИСКЛЮЧЕНИЯ

4 (Fibi) 48.1 5(Luka) 51.9

ВКЛАД ВКЛЮЧЕННЫХ ПАРАМЕТРОВ, РАССЧИТАННЫЙ МЕТО-
 ДОМ ВКЛЮЧЕНИЯ

4 (Fibi) 48.1 5(Luka) 51.9

ПРОГНОЗ Y_i

 : N: Y_i : РАСЧ: ОШИБ: N: Y_i : РАСЧ: ОШИБ :
 -----

1 11.000 18.615 -7.615 2 12.000 18.648 -6.648

3	13.000	18.631	-5.631	4	14.000	18.646	-4.646
5	15.000	18.644	-3.644	6	16.000	18.657	-2.657
7	17.000	18.668	-1.668	8	18.000	18.692	-.692
9	19.000	18.727	.273	10	20.000	18.786	1.214
11	21.000	18.881	2.119	12	22.000	19.034	2.966
13	23.000	19.282	3.718	14	24.000	19.684	4.316
15	25.000	20.334	4.666	16	26.000	21.385	4.615
17	27.000	23.086	3.914	18	28.000	25.838	2.162
19	29.000	30.290	-1.290	20	30.000	37.478	-7.478

Уточнённое (расчётное значение),- »значение стратификации» есть:

$$Y_{\text{расч}} = Y_{\text{сред}} F(l, n)$$

В моделируемом материале понятия пространства, времени и числа составляют непосредственную основу объективного созерцания, формирующегося в «языке» парадигмы золотого сечения», где вектор НЕБО и БОГИ НЕБА является основополагающей антиномией, где время, число и пространство проявляется в своей единственности состояния, без которой невозможно понимание единственности части вектора как целого в движении религиозного мифа.

Фундаментальная структура мифологического мышления, проявляющаяся в направленности мифологического предметного сознания, в характере его понятия реальности, его понятий субстанции и каузальности, распространяется дальше — она охватывает и определяет в том числе и отдельные структурные черты этого мышления, накладывая на них, так сказать, свою печать. Начиная с категории количества, достаточно вспомнить уже неспособность мифологического мышления провести четкую грань между целым и его частями, поскольку для него часть не только представляет целое, но и прямо-таки есть это целое. Для научного подхода, принимающего количество в качестве синтетической формы отношений, величина является одним из ряда параметров: единичность и множественность образуют в нем одинаково, необходимые, строго коррелятивные моменты. Позиции 18,19,20,22 в рассматриваемом перечне вектора БОГОВ Неба, соединение элементов в одно «целое» предполагает их четкое разделение, различие как элементов. Уже пифагорейцы определяют число как то, что приводит все вещи в состояние гармонии в душе и только через это сообщает им телесность, а также разделяет отношения ограничивающих и безграничных вещей. Именно это разделение лежит в основе необходимости и возможности гармонии: «вещи подобные и однородные нисколько не нуждаются в гармонии, а неподобные, неоднородные и не одного порядка необходимо должны быть сопряжены гармонией, с тем, чтобы удерживаться вместе в космическом порядке». Этот результат и наблюдается в полученной модели парадигмы «золотого сечения» при анализе «сравнительных символических форм религии» I. НЕБО И БОГИ НЕБА.

Вместо подобной гармонии, представляющей собой «единение пестрого и созвучие разнозвучного», мифологическое мышление знает лишь принцип неразличения части и целого. Целое является частью в том смысле, что оно входит в нее своей полной мифологически-субстанциальной сущностью, что оно каким-то образом чувственно и материально буквально «сидит» в ней. И тот же мифологический закон «причастности» действует не только там, где речь идет о реальных отношениях, но и там, где отношения являются чисто идеальными. Род соотносится с тем, что он охватывает, что он объединяет в качестве видов или индивидуумов, не в том смысле, что он логически определяет это частное в качестве общего, — нет, он непосредственно присутствует в этом частном, живет и действует в нем. Здесь властвует не просто мысленная иерархия, но реальное подчинение единичного своему родовому «понятию». Например, структура тотемистической картины мира едва ли может быть понята иначе, нежели исходя из этой существенной черты мифологического мышления.

В не меньшей степени, чем на категориях «целого» и «части» и на категории «свойства», типичные черты противоположности мифа и научного познания могут быть продемонстрированы и на такой категории, как «подобие». Упорядочивание хаоса впечатлений путем выделения в нем определенных групп на основании подобия и выстраивания рядов подобия, опять-таки, свойственно как логическому, так и мифологическому мышлению — без него миф не смог бы образовать определенных персонажей, а логическое мышление — определенные понятия. Однако постижение «подобия» вещей и здесь идет разными путями. Мифологическому мышлению достаточно сходства чувственного проявления, чтобы свести в один мифологический «род» формации, в которых оно выступает. Любой признак, сколь бы поверхностным он ни был, оказывается при этом в равной степени значимым — нет четкого разделения ни «внутреннего» и «внешнего», ни «существенного» и «несущественного», поскольку именно это воспринимаемое равенство или подобие является для мифа непосредственным выражением тождества сущности. Одинаковость, или подобие, никак не является поэтому для мифа чисто реляционным или рефлексивным понятием, это реальная сила — сама действительность, поскольку она есть сама действительность. В каждом случае так называемого «колдовства по аналогии» проявляется это фундаментальное мифологическое представление, правда, ложное название «по аналогии» не столько обозначает его суть, сколько скрывает ее. Ибо именно там, где усматриваем чистую «аналогию», то есть чистое отношение, миф имеет дело с непосредственным наличным бытием и с непосредственной актуальностью.

Для него не существует чистого знака, «указывающего» на удаленное и отсутствующее, для него вещь в своей части — что, согласно мифологическому воззрению, означает вещь как целое — оказывается в

наличии, как только появляется нечто подобное ей. В клубах дыма, поднимающихся из трубки, мифологическое сознание видит не просто «символ» и не просто средство вызвать дождь — в них оно видит перед собой непосредственный и осязаемый образ облаков, а в них — желаемую вещь, дождь. Таков вообще универсальный магический принцип, согласно которому вещами можно овладеть одним только мимическим представлением, изображением их, без какого-либо «целенаправленного» в нашем смысле воздействия — ведь на уровне мифологического сознания еще не существует ничего только мимического, чисто сигнификативного. Познающее сознание и при установлении подобия и построении рядов сходства обнаруживает свою своеобразную логическую двойственность: оно и здесь действует одновременно синтетически и аналитически, в одно и то же время ссылая и разделяя. Поэтому оно подчеркивает в подобных содержательных элементах, как момент различия, так и момент сходства.

Число есть основа и источник всякой истины, но истиной число располагает именно потому, что в нем она воплощена, что она проступает в самих чувственных вещах как их гармония, как их мера и порядок. Понятийная «сущность», числа, дана не непосредственно, она должна как бы постепенно извлекаться — словно из некоего чуждого ей мира. Пифагорейское число, число математики и естествознания, открывается только после того, как постепенным движением мысли оно обособляется от мифологически-магического числа. Сходная с этой борьбой с мифологическими понятиями борьба происходила у научного познания природы с понятиями языка. Познание не могло довольствоваться теми подразделениями и соединениями, которые содержались в языке, но должно было заменить их различиями и единствами иного рода, иной интеллектуальной чеканки. Там, где язык удовлетворяется наименованиями, там число ищет определения; языку достаточно многозначного имени, числу требуется однозначность понятия. С самого начала научного познания число выдвигает эти требования и совершает тем самым резкий разрыв с картиной мира «обыденного опыта». Разделительная линия отделяет мир научных «предметов» не только от мира слов, но также от мира непосредственного восприятия. Чтобы войти в сферу таких предметов, чтобы постигать природу в ее объективном бытии и объективной определенности, мысль должна оставить позади не только область имен, но также область чувственного ощущения и созерцания. Одной из самых оригинальных и плодотворных черт греческого мышления — редко принимаемой во внимание и по достоинству оцениваемой — было то, что оба указанных свершения были достигнуты одним действием. Это стало возможным потому, что с помощью внешне парадоксального и даже странного уравнения чувственная действительность была истолкована как языковая действительность, как бытие имени. Там, где обыденный взгляд на мир видит самое надежное и прочное — не подлежащую сомнению реальность, там философское

видение различает изменение и переход, непостоянство и произвол наименования. «Все есть имя, — говорится в поэме Парменида, — что смертные установили, полагаясь на то, что это истина: возникновение и исчезновение, бытие и небытие, перемена места и изменение блестящего цвета». Псевдологос языка отвергается здесь ради чистого мышления, подлинно философского логоса — эта борьба кладет начало научному понятию природы. Демокрит прямо следует за Парменидом: в бытии природы, в «фюсис», обнаруживается то, что Парменид относил к чисто мыслительному логическому бытию. Истина природы тоже не лежит прямо перед нашими глазами — ее нужно открыть, если удастся отделить мир вещей от мира слов, постоянное и необходимое от случайного и условного. К случайному и условному относятся не только обозначения языка, но и вся область чувственных ощущений. По крайней мере, для физика нет никакой нужды предаваться такому движению в бесконечную неопределенность. В какой-то точке ему требуются определенность и окончательность, и он находит их на твердой почве математики. Достигнув этого уровня в движении от мира знаков и кажимостей, он считает себя вправе остановиться.

Познание мира вещей привязано к определенным теоретическим предпосылкам и условиям, а тем самым процесс объективации, прогрессивно осуществляемый в познании природы, всегда выступает как процесс логического опосредования.

Язык, миф, теоретическое познание — все они берутся здесь как основные образы «объективного духа», чье чистое «бытие» должно пониматься независимо от вопроса об их «становлении». Мы находимся здесь в сфере общих «трансцендентальных» вопросов, следующих методу, принимающему *quid facti* отдельных форм сознания лишь в качестве исходного пункта, дабы поставить вопрос об их значении, о *quid iuris*. Однако еще Кант раз за разом подчеркивал, что этот «трансцендентальный» метод скрывает в себе два различных подхода.

Теперь для нас различимы некие фундаментальные черты, никоим образом не являющиеся изначально нацеленными на природные объекты или вообще на «познание внешнего мира», но обладающие совсем иной направленностью. В частности, миф указывает нам на мир, который не знает подразделения действительности на «вещи» и «свойства», хотя он обладает структурой и имманентной артикулированностью. Все конфигурации тут предстают как «текущие» — они дифференцируются, но без четкого обособления друг от друга. Каждая из них в любой миг готова превратиться в другую, даже ей противоположную конфигурацию. Мифологические «метаморфозы» не связаны логическим законом тождества, здесь нет и ограничений, налагаемых законом «постоянства». Мы уже не можем ни ориентироваться на понятийное познание, ни отдавать руководство языку. В обоих случаях мы имеем дело с чисто теоретической объективацией: познание и язык создают мир «Логоса»,

мыслимого или произносимого Слова. Они принимают в отношении к сфере экспрессии, скорее, центробежное, нежели центростремительное направление. Напротив, миф обращает нас к жизненной сердцевине этой сферы. Его своеобразие заключается именно в том, что он показывает нам способ образования мира, противостоящий, как независимый и самостоятельный, всем прочим способам опредмечивания. Миф еще не знает того раскола между «реальным» и «ирреальным», между «действительностью» и «видимостью», который осуществляется чисто теоретической объективацией и который ей по необходимости приходится осуществлять. Самопознание духа достигается и укрепляется только этим двояким путем, когда его чистое настоящее и хранит его историю, и творчески провидит его будущее. Бергсон говорит о развитии как о «творческой эволюции», но его понимание творчества, по существу, опирается на видение природы, а не духа, ориентируется на биологическое, а не на историческое время. Во времени истории невозможно провести резкую разделительную линию между функциями воспоминания и действия, а именно она является решающей и определяющей для всей метафизики Бергсона. Эти функции непрерывно проникают друг в друга: действие определяется и направляется историческим сознанием, взглядом в прошлое, но и истинное историческое воспоминание произрастает из тех сил, что устремлены в будущее и помогают его формированию. Только по мере «становления» самого духа, вместе с его открытостью будущему, он способен составить себе образ прошлого. Форма этого отображения, этой «рефлексии», неотделима от его стремления и воления. При проведении любой операции счета происходит отображение, своего рода саморефлексия числового ряда. Процесс счета начинается с единицы и развивается далее согласно четко упорядоченному ряду «натуральных чисел». Но в каждой точке этого ряда данная операция возобновляется. Если я складываю $7 + 3$, то это означает, что начальный пункт «ряда натуральных чисел» сместился на семь позиций, и в силу этого сдвига был получен новый исходный пункт, с которого начинается счет. Рефлексия и реконструктивный анализ были направлены не на функции формы как таковой, но на особенности того, что было достигнуто с ее помощью. Создавая какой-то образ объективности, выводя его из себя самой, мысль оставалась в то же время к нему прикованной — знание самой себя приходило не иначе как от этого посредника, будучи опосредованным предметным знанием. Взгляд был направлен «вперед», на действительность вещей, а не «назад», не на саму мысль и ее собственные свершения. На этом пути она достигала миров «Ты» и «Оно», и оба они выступали как нечто бесспорное в своей непроблематичной достоверности. «Я» постигало существование других субъектов и «предметов вне нас» в форме экспрессивных переживаний или в форме восприятий; оно пребывало и покоилось в этом существовании и в конкретном его созерцании. Как «возможно» само это созерцание — этот вопрос тут не ставился, да он и не требовался; созерцанию хватало самого

себя, и оно само себя производило, не нуждаясь в опоре или в каком бы то ни было подтверждении. Только там, где практикуется особого рода «рефлексия», там вступают в царство мышления и оказываются в самом его центре. Отсюда проистекает все то значение, которое имеет понятие при решении проблемы «символического формирования».

Чем сильнее рефлексия по поводу познания, тем отчетливее она видит и знает собственную форму, тем больше сама эта форма предстает как граница, необходимая и непревосходимая познанием. Чтобы дать направление метафизической интуиции, Бергсон нередко сравнивает ее с художественной интуицией. Искусство выступает как «метафизика в фигурах» (*une métaphysique figurée*), а метафизика — как «рефлексия по поводу искусства. Но именно художественное творчество лучше всего показывает, что всякая попытка отделить акт «внутреннего» созерцания от «внешнего» формирования неизбежно обречена на неудачу; само созерцание оказывается здесь актом формирования, подобно тому, как формирование остается созерцанием. При проведении любой операции счета происходит отображение, своего рода саморефлексия числового ряда. Процесс счета начинается с единицы и развивается далее согласно четко упорядоченному ряду «натуральных чисел». Философская рефлексия рассеивает этот магический туман, но сама она поначалу находится под властью той «архаичной логики», для которой формы мышления и языка образуют неразрывное единство. рефлексия есть не просто мышление «о» данном содержании созерцания; скорее, она соучаствует в определении и конституировании той формы, в которой выступает это содержание. Человек демонстрирует рефлексию, когда, пробуждаясь от сна плавающих перед его чувствами образов, свободно собирает их в единый образ, когда он может спокойно и ясно их воспринимать, обособляя те характеристики образа, которые показывают, что мы имеем дело именно с этим, а не с иным предметом. Вот почему образное содержание включает и скрывает в себе рациональное познавательное содержание, и именно его рефлексия должна вылущить из скорлупы и раскрыть как подлинное ядро мифа.

Рефлексия, задним числом, вносимая нами в мифологическое мышление, приводит к попыткам анимистического объяснения значения тени, к отождествлению тени человека с его душой. В действительности же здесь скорее речь идет о более простой и исконной идентификации — той, которая соединяет вместе сон и явь, имя и вещь и т.п. и которая вообще не позволяет осуществить сколько-нибудь строгую дифференциацию форм «отображаемого» и «прототипического» бытия.

Систему многообразных проявлений духа мы можем понять, только прослеживая различные направления его изначальной творческой силы. В ней рефлексия усматривает сущность духа, ибо он может открыться нам только в своей деятельности по формированию чувственного материала.

Эта форма «опознания» и есть то, что у Лейбница обозначено как апперцепция, у Гердера - как «рефлексия», у Канта - как «синтез рекогниции». «Свою способность к рефлексии человек доказывает тогда, когда сила его души действует столь свободно, что в целом океане ощущений, который с грохотом катит свои волны сквозь все его чувства, она способна, если можно так выразиться, выделить и удержать какую-то одну волну, обратить внимание именно на нее и осознать это внимание. Он доказывает свою способность к рефлексии, когда, созерцая неясные образы, проплывающие, как сновидение, в его восприятии, он может в минуту бодрствования сосредоточиться и добровольно задержаться на одном из них, подвергнув его ясному, спокойному наблюдению и выделив приметы, подтверждающие, что перед ним находится именно данный предмет, а не какой-либо иной. Он доказывает, следовательно, свою способность к рефлексии, когда он может не только легко и свободно узнать все особенности, но и признать для самого себя одну или несколько из них отличительными особенностями. Из первого акта этого признания рождается отчетливое понятие. Это - первое суждение души.

Рефлексия не является чем-то внешним, задним числом приходящим в содержание восприятия, а входит в него как конститутивный момент. Только «осознание» превращает мимолетные чувственные импульсы в нечто внутренне определенное и отличное от другого, благодаря чему они только и становятся подлинным духовным «содержанием». Рефлексия, тем самым, является самопроизвольным производителем мысли. Вот почему можно назвать рефлексию «машиной производства» «антиэнтропии»(-S)! А человечество и формы его мыследеятельности, как «Ноосферу» по пути развития форм творчества, - самопроизвольным «генератором» антиэнтропии, функционирующим как «парадигма золотого сечения», где числа Фибоначчи и Люка играют роль ограничителей «жизненного цикла», проявляющими себя по тем, или иным механизмам действия в геосфере, биосфере и ноосфере планеты Земля. Тем самым вскрывается смысл парадигмы золотого сечения как своего рода «гомеостаза» планеты Земля в рамках первого и второго законов термодинамики. Отсюда осознание границы сверхъестественного, есть начало рефлексии, осмысления собственных действий. Выявление инвариантных структур, остающихся неизменными в ходе исторического анализа развития геосферы, биосферы и ноосферы, в рамках парадигмы золотого сечения и есть взаимосвязь между числами Фибоначчи и Люка, инвариантные значения которых остаются одними и теми же в рамках парадигмы золотого сечения.

Ведь КАЖДАЯ ЧАСТНАЯ геометрия является *теорией инвариантов*, значимой в отношении к определенным группам трансформаций. А именно это показывает, что концепция различных «геометрий» и образование понятия пространства, лежащего в фундаменте всех них, являются лишь продолжением процесса, им предшествовавшего и

бывшего их прообразом при формировании эмпирического пространства, пространства нашего чувственного опыта. Ведь такое формирование также осуществляется благодаря тому, что многообразие явлений, отдельных зрительных «образов» собирается в группы, а сами эти группы принимаются как представления того же самого «предмета». С этого момента изменчивые единичные явления образуют для нас только периферию; из каждой точки этой периферии как бы тянутся острия, направляющие наше внимание в определенную сторону и всякий раз возвращающие нас к одной и той же вещи, как их центру. Здесь также имеется возможность (пусть и не в том объеме, как при построении чисто геометрического символического пространства) по-разному располагать эти центры. Может сместиться даже точка отсчета, измениться способ отнесения, и всякий раз при такой смене явлений достигается не только иное абстрактное значение, но также иные конкретно созерцаемые смысл и содержание. Особенно отчетливо такая трансформация созерцаемого смысла пространственных форм проявляется в известном феномене «зрительной инверсии». Один и тот же оптический комплекс может преобразовываться то в один, то в другой пространственный предмет, «видеться» то, как один, то, как другой объект. Как справедливо подчеркивалось, в таких инверсиях имеем дело не с ошибками суждения и не просто с «представлениями», которые мы себе «составляем», но с подлинными перцептивными переживаниями. Здесь мы вновь убеждаемся в том, что смена «взгляда» изменяет увиденное, что любое смещение точки зрения трансформирует зримое в его чисто феноменальной фактичности. Чем дальше продвигаются формирование и артикуляция сознания, чем более «значимыми» становятся его единичные содержания (т. е. чем большую способность «указывать» на другие содержания каждое из них получает), тем большей становится свобода, с которой мы можем сменой «взгляда» преобразовывать один образ в другой. Геометрия упорядочивается здесь как специальный случай теории инвариантов. Различные геометрии объединяются друг с другом тем, что в каждой из них рассматриваются некие фундаментальные свойства пространственных фигур, оказывающиеся инвариантными в отношении к определенным преобразованиям; их различает то, что каждая из них принадлежит к той частной группе преобразований, которая характерна для данной геометрии. Достаточно вспомнить о важности теории групп преобразований для теории дифференциальных уравнений. Уже это заставляет задуматься об особом положении теории групп и ее значимости для теории познания в целом. Такого рода постоянство требует возможности выделения в потоке становления неких неизменных отношений, каких-то **универсальных «инвариантов»**. Никогда нельзя считать этот процесс завершенным и полагать, что окончательно заменили последними «инвариантами опыта» неизменные состояния «вещей»; эти «инварианты», так сказать, руками не схватишь, они лежат в фундаменте объективной

действительности! Это позволяет иметь возможность нового синтеза, с чьей помощью можно соединять универсальные константы, обозначающие «природу» больших областей физических предметов; они оказываются частными случаями всеобъемлющей закономерности. Последняя составляет истинную сущность объективности, но и эта закономерность всякий раз признается лишь в своей ограниченной всеобщности, как заменимая на еще более универсальное отношение. Поэтому можно сказать: «Единая действительность может указываться и определяться только, как идеальная граница не произвольно — оно является неизбежным, поскольку без неё нет непрерывности опыта». В этом и есть смысл инвариантов типа чисел Фибоначчи и Люка в парадигме золотого сечения.

В этом смысле, например, физика «постигает» совокупность событий, выражая каждое особое событие через его четыре пространственно-временные координаты x_1, x_2, x_3, x_4 и возводя изменение этих координат к конечным инвариантным закономерностям. Этот пример еще раз показывает, что для научного мышления синтез и анализ образуют не два различных или даже противоположных основных акта, но что речь идет о едином логическом процессе, осуществляющем и то, и другое, и четкое разграничение особенностей, и их соединение в систематическое единство целого. Результаты моделирования «сравнительных символических форм религии» в рамках системы: I. НЕБО И БОГИ НЕБА с большими величинами коэффициентов корреляции модели, приводящие к парадигме золотого сечения и виду реальных зависимостей от чисел Фибоначчи и Люка, свидетельствуют не только об инвариантных границах «жизненного цикла символических форм религии» в рамках саморефлексии таких циклов, но и позволяют утверждать, что сами эти инварианты оказываются, своего рода, «культовыми символами». И если рефлексия есть «машина производства» «антиэнтропии» (-S), как самопроизвольная мыследеятельность, а парадигма “золотого сечения” модель «сравнительных символических форм религии», то *числовые инварианты в последовательностях Фибоначчи и Люка – приобретают смысл культовых символов*, ограничивающих рамки «сравнительных символических форм религии». Культ является подлинным инструментом, с помощью которого человек подчиняет себе мир не столько духовно, сколько чисто физически — основное попечение творца мира о человеке состоит в том, что он снабдил его различными формами культа, благодаря которым он покоряет силы природы. Культ является преддверием мифа и его «объективным» основанием, а в рассматриваемых моделях «сравнительных символических форм религии» формой дискриминации (дискриминантного анализа), отделяющего одни формы мифологии от другой. Развёртывая конкретные исторические религии, прежде всего в развитии всеобщей сущности культа и его частных форм: духовное содержание каждой отдельной религии и ее значение в качестве необходимого

момента в религиозном процессе в целом находит полное отображение в первую очередь в ее культовых формах, ведь именно через них это содержание находит свое внешнее проявление. Чтобы представить это отношение более ясно, можно воспользоваться одним фундаментальным мотивом, встречающимся повсюду, где культ и религиозный ритуал достигают определенного уровня развития. Культ является подлинным инструментом, с помощью которого человек подчиняет себе мир не столько духовно, сколько чисто физически — основное попечение творца мира о человеке состоит в том, что он снабдил его различными формами культа, благодаря которым он покоряет силы природы. «Культ есть то, что человек представляет себе как повседневную жизнь, он живет в этом субстанциальном единстве, культ и жизнь не разделены, и мир абсолютной конечности еще не противопоставил себя бесконечности. Так, у язычников царит сознание своего блаженного состояния, сознание того, что бог в качестве бога народа, города им близок, чувство, что боги благосклонны к ним и даруют им наслаждение наилучшим... Следовательно, культ определен здесь по существу не как нечто особое, обособленное от повседневной жизни, но как постоянная жизнь в сфере света и добра. Временная жизнь с ее потребностями, эта непосредственная жизнь, сама есть культ, и субъект еще не разделяет свою существенную жизнь от поддержания своей временной жизни и от обязанностей своего непосредственного конечного существования "На этой ступени должно существовать отчетливое сознание своего бога как такового, возвышение до мысли об абсолютной сущности и благоговейное поклонение ей. Однако, прежде всего это — абстрактное отношение для себя, куда не вступает конкретная жизнь. Как только отношение культа принимает более конкретную форму, оно включает в себя всю внешнюю действительность индивидуума, и обычная повседневная жизнь в ее полном объеме — еда, питье, сон, — и все действия, направленные на удовлетворение потребностей человека, соотносятся с культом, а последовательность всех этих действий и свершений составляет святую жизнь». Вот почему дискриминация культовых инвариантов, т.е. переход от одной формы религии к другой в рамках конкретной модели «жизненного цикла» «символических форм религии» требует установления взаимно — однозначного соответствия в системе $Fibi=F(Y_i, Luka)$ и $Luka=F(Fibi, Y_i)$ и доказательства того, что в «жизненном цикле символических форм религии» числа Фибоначчи и Люка являются инвариантами рефлексии, т.е. «культами» дискриминации «сравнительных религиозных форм» в рассматриваемой системе I. НЕБО И БОГИ НЕБА, а потому независимыми от величин Y_i , смысловая доминанта которых лежит во взаимном влиянии друг на друга самих цифровых инвариантов Фибоначчи и Люка. Такой подход при моделировании позволил бы говорить о фундаментальности «культовых инвариантов», которые в других формах моделирования в системах геосферы, биосферы, ноосферы

фундаментальность инвариантов числового ряда Фибоначчи, приобретающих в данной модели смысл “культовых инвариантов”.

ПРОГНОЗ Y(прогноз чисел Фибоначчи как “культовых инвариантов”)

: N: Y : РАСЧ: ОШИБ: N: Y : РАСЧ: ОШИБ: :

1	3.000	2.119	.881	2	5.000	5.878	-.878
3	8.000	7.743	.257	4	13.000	13.397	-.397
5	21.000	20.945	.055	6	34.000	34.176	-.176
7	55.000	54.986	.014	8	89.000	89.057	-.057
9	144.000	143.967	.033	10	233.000	232.979	.021
11	377.000	376.931	.069	12	610.000	609.924	.076
13	987.000	986.900	.100	14	1597.000	1596.899	.101
15	2584.000	2583.903	.097	16	4181.000	4180.937	.063
17	6765.000	6765.004	-.004	18	*****	*****	-.136
19	*****	*****	-.363	20	*****	*****	.246

Результаты анализа соотношений типа $Luka = F(Fibi, Y_i)$ по программе Chem.Lehr. приводят к следующим результатам:

РАСЧЕТ ПО ПРОГРАММЕ < Chem.Lehr. >

ЧИСЛО РЕАЛИЗАЦИЙ 20
 ЧИСЛО ПАРАМЕТРОВ 5
 РЕЗУЛЬТИРУЮЩИЙ ПАРАМЕТР (Luka) 5
 ВАРИАНТ ПЕЧАТИ 2
 КОЭФФИЦИЕНТ ЗНАЧИМОСТИ 1.00
 КОЭФФИЦИЕНТ УДАЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИЙ
 LX(J)
 0 1 0 1 0
 NOV(I)
 1
 LP(J)
 1 0 0 0 0
 КОЛИЧЕСТВО ПАРАМЕТРОВ, ВКЛЮЧЕННЫХ В МОДЕЛЬ (Luka) 2
 ПАРАМЕТР 2 (Y_i) СТЕПЕНЬ 1 КОЭФФИЦИЕНТ .00746
 ПАРАМЕТР 4 (Fibi) СТЕПЕНЬ 1 КОЭФФИЦИЕНТ .52786
 СВОБОДНЫЙ ЧЛЕН УРАВНЕНИЯ -.1625080
 СРЕДНЯЯ ОСТАТОЧНАЯ ДИСПЕРСИЯ .0248095
 СРЕДНИЙ МОДУЛЬ ОШИБКИ .0794594
 НЕСМЕЩЕННАЯ ОЦЕНКА ОСТАТОЧНОЙ ДИСПЕРСИИ .2894322E-01
 СРЕДНЯЯ ОСТАТОЧНАЯ ДИСПЕРСИЯ НА КОНТРОЛЬНОЙ
 ВЫБОРКЕ .0000000
 КОЭФФИЦИЕНТ КОРРЕЛЯЦИИ МОДЕЛИ ($r_{KM}=100\%$) 1.0000000

ВКЛАД ВКЛЮЧЕННЫХ ПАРАМЕТРОВ, РАССЧИТАННЫЙ
МЕТОДОМ ИСКЛЮЧЕНИЯ

$2 (Y_i) \cdot 0.5 (F_{i+1}) 100.0$

ВКЛАД ВКЛЮЧЕННЫХ ПАРАМЕТРОВ, РАССЧИТАННЫЙ
МЕТОДОМ ВКЛЮЧЕНИЯ

$2 (Y_i) \cdot 0.5 (F_{i+1}) 100.0$

ПРОГНОЗ чисел Люка как “культовых инвариантов”

: N: Y : РАСЧ.: Ошиб.: N: Y : РАСЧ.: Ошиб.:

1	1.000	1.503	-.503	2	3.000	2.566	.434
3	4.000	4.157	-.157	4	7.000	6.804	.196
5	11.000	11.035	-.035	6	18.000	17.904	.096
7	29.000	28.997	.003	8	47.000	46.952	.048
9	76.000	75.991	.009	10	123.000	122.979	.021
11	199.000	198.998	.002	12	322.000	321.998	.002
13	521.000	521.009	-.009	14	843.000	843.012	-.012
15	1364.000	1364.020	-.020	16	2207.000	2207.023	-.023
17	3571.000	3571.026	-.026	18	5778.000	5778.025	-.025
19	9349.000	9349.020	-.020	20	*****	*****	-.005
21	*****	*****	.023				

Уникальный результат (ккм=100%) моделирования по программе Chem.Lehr., когда вклад параметров, рассчитанный методами включения-исключения одинаков и не зависит от текущей величины(Y_i), т.е. от “жизненного цикла” «сравнительных религиозных форм», но с вероятностью 100% определяется числовой последовательностью ряда Фибоначчи подтверждает фундаментальность инвариантов числового ряда Люка, приобретающих в данной модели смысл “культовых инвариантов”. Полученный результат, как следует из расчётов, полученных моделей, позволяет не только дискриминировать «сравнительные религиозные формы» в рамках довольно большого раздела верований в системе I. НЕБО И БОГИ НЕБА, но и выделить «культовые инварианты» в системе верований в рамках исследуемой парадигмы золотого сечения, обратив внимание как на единство «парадигмы золотого сечения» в системе естествознания геосферы, биосферы, ноосферы, так и в самой системе сравнительного «духотворения», как символической форме познания в поисках обретения ИСТИНЫ, «духотворения», так поэтически воспетого Дж. Дж. Фрээрером⁴²

⁴² Дж.Дж.Фрээрер.Золотая ветвь.М.:ИПЛ,1984.703с.

